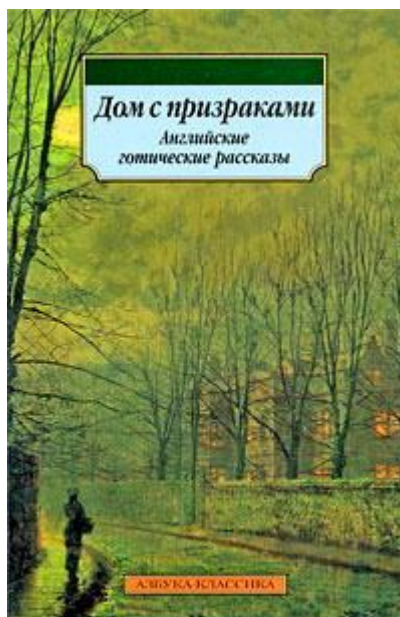

Джозеф Шеридан Ле Фаню Давний знакомый

«Дом с призраками: Английские готические рассказы»: Азбука-классика; 2009
ISBN 5-352-00932-7

Аннотация

Оставив военно-морскую службу Британской короне, капитан Бартон возвращается в родной Дублин. Жизнь его течет спокойно и размеренно и вот, сорокалетнего капитана ожидает брак с молодой и красивой мисс Монтегю. Все было бы хорошо, но Бартона начинает преследовать таинственный «Наблюдатель». Он повсюду ходит за ним по пятам невидимой тенью и шлет письма с угрозами. Ответ на вопрос «кто же этот мучитель?» таится в далёком прошлом капитана.

Джозеф Шеридан Ле Фаню Давний знакомый

Пролог

Случаев, более или менее сходных с описанным мною в рассказе «Зеленый чай», мне известно двести тридцать или около того. Из них я выбрал один и привожу его ниже под названием «Давний знакомый».

Доктор Хесселиус пожелал присовокупить к настоящему манускрипту ряд своих собственных замечаний на нескольких листочках бумаги, исписанных мелкими, размером чуть больше печатных, буквами. Вот что он пишет:

«Что касается добросовестности, то лучшего рассказчика, чем достопочтенный ирландский священник, от которого я получил бумаги с описанием случая мистера Бартона, едва ли можно пожелать. Для медика, однако, такого отчета недостаточно. Чтобы вынести свое суждение с уверенностью, мне желательно было бы ознакомиться с рассказом сведущего врача, наблюдавшего развитие болезни и пользовавшего пациента начиная с ранних стадий ее течения и до конца. Мне следовало бы знать о возможной наследственной предрасположенности мистера Бартона; не исключено, что по каким-либо ранним

симптомам удалось бы проследить корни болезни в более отдаленном прошлом, чем это доступно сейчас.

Упрощая, можно свести все подобные случаи к трем основным видам. Приводимая мной классификация опирается на первичное различие между субъективным и объективным. Некоторые из тех, кто утверждал, что их восприятию представлялись некие сверхъестественные явления, всего лишь визионеры, жертвы иллюзий, порожденных болезнью мозга или нервов. В других случаях не приходится сомневаться во вмешательстве внешних, скажем так, духовных сил. И наконец, бывают тягостные состояния смешанного происхождения, когда внутреннее восприятие больных и в самом деле обострено, но оно становится и остается таковым по причине болезни. Болезнь эту можно в определенном смысле сравнить с потерей наружного слоя кожи, с обнажением тех поверхностей, которые, ввиду их особой восприимчивости, природа снабдила защитной оболочкой. Нарушение этого покрова сопровождается постепенной утратой чувствительности к нежелательным воздействиям. Что касается мозга и тех нервов, которые имеют непосредственное отношение к его функционированию и к чувственному восприятию, то мозговое кровообращение периодически подвергается тем самым расстройствам, имеющим характер вибраций, которые я детально изучил и описал в своем исследовании (манускрипт под номером А 17). Указанные расстройства, как я доказываю, не имеют ничего общего с приливами крови — феноменом, которому посвящено исследование под номером А 19. Будучи чрезмерными, упомянутые нарушения неизменно сопровождаются *иллюзиями*.

Если бы я имел возможность осмотреть мистера Бартон и выяснить все детали, нуждающиеся в уточнении, мне не стоило бы ни малейшего труда соотнести известные мне феномены с вызвавшей их болезнью. В данном же случае мой диагноз поневоле не выходит за рамки предположений».

Это пишет доктор Хесселиус и приводит прочие рассуждения, понятные лишь специалистам в области медицинской науки.

А рассказ преподобного Томаса Херберта, в котором содержится все, что известно об интересующем нас случае, приводится в нижеследующих главах.

1. Шаги

В то время я был молод и близко знаком с некоторыми из действующих лиц этой странной истории; вот почему впечатление от событий, с нею связанных, было глубоким и длительным. Постараюсь теперь изложить все эти события в точности, соединяя, разумеется, в рассказе данные, почерпнутые из разных источников, и пытаясь, насколько возможно, рассеять тьму, которая с начала и до конца окутывает эту историю.

Году приблизительно в 1794-м младший брат некоего баронета — назову его сэр Джеймс Бартон — возвратился в Дублин. Капитан Бартон заслужил отличия во флоте, командуя одним из фрегатов Его Величества почти все время, пока длилась американская Война за независимость¹. Капитану Бартону было года сорок два — сорок три. Он умел, когда хотел, быть умным и приятным собеседником, но обычно вел себя сдержанно, иногда даже казался угрюмым.

На людях, однако, он выглядел светским человеком и джентльменом. Он не приобрел той шумной грубоватости в общении, которую порой усваивают моряки; напротив, его поведение отличалось непринужденностью, спокойствием, даже лоском. Роста он был среднего, сложения довольно крепкого; лицо выдавало склонность к размышлениям и почти всегда носило отпечаток серьезности и меланхолии. Будучи, как я уже говорил, человеком превосходно воспитанным, отпрыском благородного семейства и обладателем крупного

¹ *Американская Война за независимость* — освободительная война (1775—1783) тринадцати английских колоний, итогом которой явилось образование США.

состояния, капитан Бартон не нуждался, разумеется, в дальнейших рекомендациях, чтобы быть допущенным в лучшее общество Дублина.

Любовью к роскоши мистер Бартон не отличался. Он занимал апартаменты на одной из фешенебельных в то время улиц в южной части города, но держал всего лишь одну лошадь и одного слугу. Слывя вольнодумцем, он, тем не менее, вел упорядоченную, высокоморальную жизнь, не был склонен ни к игре, ни к выпивке, ни к каким-либо другим порокам. Он был погружен в себя, ни с кем близко не сходил, друзей не заводил. Общество, судя по всему, привлекало его скорее веселой, бездумной суетой, чем возможностью обменяться с кем-либо своими мыслями и настроениями.

В результате Бартон прослыл человеком бережливым, благоразумным и замкнутым, имеющим хорошие шансы устоять против хитрых уловок и прямых атак и сохранить свое холостяцкое положение. Казалось, что он доживет до глубокой старости и умрет богатым, завещав свои деньги какой-нибудь больнице.

Вскоре, однако, стало ясно, что жизненные планы мистера Бартона были поняты в корне неверно. В тот год в свете появилась некая молодая леди (назовем ее мисс Монтегю), введенная туда ее тетей, леди Л., вдовой. Мисс Монтегю была неоспоримо красива и превосходно воспитана. Обладая природным умом и изрядной долей веселости, она сделалась на время любимицей общества.

Тем не менее популярность на первых порах не приносила ей ничего, кроме эфемерного восхищения окружающих, пусть лестного, но ни в коей мере не сулившего скорого брака, ибо, к несчастью для упомянутой молодой леди, было известно, что, кроме привлекательности, ровно никаких земных благ у нее за душой не имеется. При таких обстоятельствах появление у бедной мисс Монтегю признанного поклонника в лице мистера Бартона не могло не вызвать сенсации.

Его ухаживания, как и следовало ожидать, были встречены благосклонно, и в скором времени каждому из полутора сотен близких друзей старой леди Л. было сообщено персонально, что капитан Бартон действительно предложил мисс Монтегю, с одобрения ее тетушки, руку и сердце; что, более того, ответ был положительным — при условии согласия отца невесты, который следовал на родину из Индии и собирался прибыть в ближайшие две-три недели.

Браку ничто не препятствовало, отсрочка представлялась не более чем формальностью, так что помолвка считалась делом решенным, и леди Л., верная старомодному декоруму, которым ее племянница, разумеется, охотно бы пренебрегла, удержала девушку от дальнейшего участия в городских увеселениях.

Капитан Бартон бывал в доме частым гостем, порой засиживался подолгу и на правах нареченного жениха пользовался всеми преимуществами тесного, непринужденного общения с невестой. Таковы были отношения между действующими лицами моей повести к тому времени, когда на нее пала тень грядущих загадочных событий.

Леди Л. обитала в красивом доме на севере Дублина, а квартира капитана Бартона, как уже было упомянуто, располагалась на юге. Оба жилища разделяло значительное расстояние, и капитан Бартон завел себе привычку, проводя вечер в обществе старой леди и ее прекрасной воспитанницы, возвращаться домой пешком в одиночестве.

Кратчайший маршрут таких ночных прогулок пролегал вдоль одной довольно длинной недостроенной улицы из одних фундаментов: стены домов только-только начали возводить.

Однажды вечером, вскоре после обручения с мисс Монтегю, капитан Бартон дольше обычного пробыл у своей невесты и леди Л. Беседа велась об откровении свыше. Капитан Бартон оспаривал все доказательства с упорством законченного скептика. В те дни в высшее общество уже проложили себе дорогу так называемые «французские принципы» — в особенности те из них, что перекликаются с либерализмом². Не избежали этой заразы и

² ...«французские принципы», — в особенности те из них, что перекликаются с либерализмом. — Под «французскими принципами» и «либерализмом» здесь подразумевается вольномыслие, широко

старая леди с ее воспитанницей. Вот отчего взгляды мистера Бартон не были сочтены серьезным препятствием для предполагаемого брака. Разговор тем временем перешел на сверхъестественные и загадочные явления, причем и тут мистер Бартон прибегал все к тем же, не лишенным язвительности, аргументам. Несправедливо было бы обвинять его в желании покрасоваться: доктрины, которые отстаивал капитан Бартон, являлись основой его собственных, если можно так выразиться, верований. Из всех странных обстоятельств, затронутых в моей повести, не последнюю роль играет тот факт, что жертва напастей, которые я собираюсь описать, в силу лелеемых годами принципов упорно отвергала возможность так называемых сверхъестественных явлений.

Было глубоко за полночь, когда мистер Бартон распрощался и пустился в свой одинокий обратный путь. Он достиг уже той безлюдной дороги, где над фундаментами едва возвышались незаконченные стены будущих домов. Лила туманный свет луна, и под ее тусклыми лучами дорога, по которой шел Бартон, казалась еще мрачнее; царило полное, непонятным образом волновавшее душу безмолвие, не нарушавшееся ничем, кроме шагов Бартон, неестественно громких и отчетливых.

Он шел так некоторое время, а затем внезапно слышал другие шаги, размеренно ступавшие, казалось, метрах в десяти позади него.

Ощущение, что кто-то следует за тобой по пятам, всегда неприятно, а особенно в столь уединенном месте. Капитан Бартон не выдержал и резко обернулся, рассчитывая оказаться лицом к лицу с преследователем, но, хотя луна светила довольно ярко, ничего подозрительного на дороге не обнаружилось.

Стук не был отзвуком его собственных шагов: Бартон убедился в этом, потопав и быстро пройдясь взад-вперед в безуспешных попытках разбудить эхо. Не будучи ни в коей мере склонным к фантазиям, Бартон все же вынужден был приписать шаги игре своего воображения и счесть их иллюзией. Рассудив таким образом, он вновь пустился в путь. Но едва он сошел с места, как сзади опять послышались таинственные звуки, и на этот раз, словно в доказательство того, что с эхом они не имеют ничего общего, шаги то постепенно замирали, почти совсем останавливаясь, то переходили в бег, а затем опять замедлялись.

Как и в первый раз, капитан Бартон резко обернулся, но результат был прежним: на одинокой дороге не виднелось ровно ничего. Он пошел обратно по своим следам, рассчитывая обнаружить причину смутивших его звуков, но безуспешно.

При всем своем скептицизме Бартон почувствовал, что им постепенно овладевает суеверный страх. Не в силах отделаться от этих непривычных ощущений, Бартон опять двинулся вперед. Таинственные звуки не возобновлялись, но, когда он достиг того места, где ранее повернул назад, шаги послышались вновь, время от времени учащаясь, отчего казалось, что невидимый преследователь вот-вот наткнется на уstraшенного пешехода.

Капитан Бартон в очередной раз остановился. Непостижимость происходившего вызвала у него непонятные, мучительные чувства, и, невольно взволновавшись, он резко крикнул: «Кто там?» Собственный голос, прозвучавший в полной тишине и сменившийся столь же глубоким безмолвием, показался Бартону удручающе унылым, и им овладела сильнейшая, дотоле ему неведомая тревога.

Шаги преследовали Бартон до самого конца одинокой улицы, и ему потребовалось немало гордого упрямства, чтобы с перепугу не пуститься бежать со всех ног. Только достигнув своей квартиры и усевшись у камелька, он успокоился настолько, что смог восстановить в памяти и обдумать свое обескураживающее приключение. Самой малости, в сущности, достаточно, чтобы поколебать гордыню скептика и доказать власть над нами старых добрых законов природы.

2. Наблюдатель

распространившееся в Европе во второй половине 1790-х гг. под влиянием Великой французской революции (1789—1794).

Когда на следующее утро, за поздним завтраком, мистер Бартон обдумывал ночное происшествие — скорее критически, чем с суеверным страхом, ибо бодрящий дневной свет быстро вытесняет мрачные впечатления, — слуга положил на стол перед ним письмо, только что принесенное почтальоном.

В надписи на конверте не обнаружилось ничего примечательного, за исключением того, что почерк был Бартону неизвестен. Возможно, надпись была сделана измененным почерком: высокие буквы клонились влево. Несколько взвинтив себя всевозможными догадками, как часто бывает в подобных случаях, Бартон, прежде чем вскрыть печать, с минуту изучал адрес. Затем он вынул и прочел письмо, написанное той же рукой:

«Мистер Бартон, бывший капитан «Дельфина», предупреждается об опасности. Он поступит мудро, если будет избегать ***-стрит. — Тут было названо место вчерашнего приключения. — Если он не прекратит ходить там, то быть беде — пусть запомнит это раз навсегда, ибо ему следует страшиться

Наблюдателя».

Капитан Бартон читал и перечитывал это странное послание, изучал его то так, то этак, под разными углами, рассматривал бумагу, на которой оно было написано, и заново вглядывался в почерк. Ничего не добившись, он обратил внимание на печать. Это был просто кусок воска, на котором слабо виднелся случайный отпечаток пальца.

Ни малейшей зацепки, ничего, что могло привести хотя бы к догадке о происхождении письма. Казалось, цель автора — оказать услугу, и в то же время он объявлял себя тем, кого «следует страшиться». Все вместе — и письмо, и его автор, и истинные цели последнего — представляло собой неразрешимую головоломку, к тому же самым неприятным образом напоминавшую о событиях минувшей ночи.

Повинуясь какому-то чувству — возможно, гордости, — мистер Бартон даже своей нареченной невесте не обмолвился ни словом об описанных выше происшествиях. На первый взгляд пустячные, они оставили в душе капитана крайне неприятный осадок, и исповедоваться в том, что упомянутая молодая леди могла бы счесть свидетельством слабости, ему не хотелось. Письмо вполне могло оказаться всего лишь шуткой, а загадочные шаги — галлюцинацией или трюком. Но хотя Бартон и вознамерился отнестись ко всей этой истории как к чепухе, не стоящей внимания, подспудно его мучили сомнения и догадки, донимали смутные страхи. И, разумеется, Бартон долгое время избегал улицы, упомянутой в письме как место, где его поджидает беда.

В последующую неделю ничто не напомнило капитану Бартону о содержании воспроизведенного мною письма, и его тревоги постепенно изгладились из памяти.

Однажды вечером, когда названный промежуток времени уже истек, мистер Бартон возвращался из театра, расположенного на Кроу-стрит³. Усадив мисс Монтегю и леди Л. в их коляску, он немного поболтал с двумя-тремя знакомыми.

Расставшись с ними у колледжа, Бартон продолжил путь в одиночестве. Был уже час ночи, и улицы совершенно опустели. Пока приятели были рядом, он по временам с болезненным чувством улавливал звуки шагов, которые, казалось, следовали за ними по пятам.

Раз или два он беспокойно оборачивался, опасаясь вновь столкнуться с теми загадочными и неприятными явлениями, которые на прошлой неделе выбили его из колеи, и очень надеясь обнаружить какую-нибудь естественную причину непонятных звуков. Но улица была пуста — вокруг ни души.

Продолжая путь домой в одиночестве, капитан Бартон по-настоящему испугался, когда

³ *Кроу-стрит* — улица в северной части Дублина.

яснее, чем прежде, уловил хорошо знакомые звуки, от которых его теперь бросало в дрожь.

Чужие шаги, стихая и возобновляясь одновременно с его собственными, сопровождали Бартона вдоль глухой стены, окружавшей парк при колледже. Поступь невидимки была, как и прежде, неровной: то медлила, то, на протяжении двух десятков ярдов, ускорялась почти до бега. Снова и снова Бартон оборачивался, поминутно бросал украдкой взгляд через плечо, но никого не видел.

Неуловимый и незримый преследователь довел Бартона до белого каления; когда капитан наконец оказался дома, его нервы были так взвинчены, что ему не скоро удалось заснуть, и до самого рассвета он даже не ложился.

Разбудил его стук в дверь. Слуга протянул ему несколько писем, пришедших только что по почте. Одно из них мгновенно привлекло внимание Бартона: беглый взгляд на это письмо тут же стряхнул с него остатки сна. Он сразу узнал почерк и прочел следующее:

«Скрыться от меня, капитан Бартон, — все равно что убежать от собственной тени. Что бы ты ни делал, я буду являться каждый раз, когда вздумаю на тебя взглянуть, и ты тоже меня увидишь, прятаться я не собираюсь, и не думай. Отдыхай себе спокойно, капитан Бартон, ведь *если совесть у тебя чиста*, то с чего бы тебе бояться

Наблюдателя?»

Едва ли нужно говорить о том, с какими чувствами изучал Бартон это странное послание. Несколько дней всем было заметно, что вид у капитана отсутствующий и расстроенный, но о причине этого не догадывался никто.

По поводу призрачных шагов, следовавших за ним по пятам, еще можно было сомневаться, но письма не были иллюзией, а их приход уж очень странно совпал с появлением таинственных звуков.

Смутно, инстинктивно разум Бартона связал нынешние приключения с некоторыми страницами из прошлой жизни, теми самыми, о которых капитану очень не хотелось вспоминать.

Однако случилось так, что, помимо приближавшейся свадьбы, капитана Бартона занимали тогда — вероятно, к счастью для него — дела, связанные с важным и долговременным судебным процессом, который касался прав собственности. Процесс поглотил его внимание целиком, деловая суeta и спешка рассеяли с недавнее Бартона уныние, и в короткий срок он вновь приободрился.

Тем не менее все это время Бартона продолжали снова и снова пугать уже знакомые звуки, которые слышались ему в уединенных местах как ночью, так и днем. На этот раз, однако, они были слабыми и отрывочными, и зачастую он с немалой радостью убеждался, что их вполне можно приписать разгоряченному воображению.

Однажды вечером Бартон направлялся к зданию палаты общин вместе со знакомым нам обоим членом парламента. Это был один из тех редких случаев, когда мне довелось общаться с капитаном Бартоном. Шагая рядом с ним, я заметил, что вид у него отсутствующий. Его замкнутость и молчаливость, казалось, свидетельствовали о том, что над ним тяготеет какая-то всепоглощающая забота.

Позже я узнал, что все это время он слышал за спиной знакомые шаги.

Однако больше такое не повторилось. Наваждению, уже измучившему Бартона, предстояло теперь перейти в новую, совершенно иную стадию.

3. Объявление

Однажды вечером мне пришлось стать свидетелем первого из тех происшествий, которые впоследствии сыграли в судьбе Бартона роковую роль; но, если бы не дальнейшие события, я едва ли бы его запомнил.

В тот миг, когда мы входили в пассаж у Колледж-Грин⁴, какой-то человек (о котором я помню только, что он был невысок ростом, похож на иностранца и на нем была дорожная меховая шапка) резко, по-видимому в крайнем возбуждении, устремился прямо на нас, быстро и яростно бормоча что-то себе под нос.

Этот престранный субъект, приблизившись вплотную к Бартону, который шел впереди всех (нас было трое), остановился и несколько мгновений сверлил его угрожающим, исполненным бешеной злобы взглядом; затем отвернулся, начал удаляться той же странной походкой и исчез в боковой галерее. Хорошо помню, что внешность и поведение этого человека немало меня поразили: от него исходило смутное, но непреодолимое ощущение опасности. Подобного я не испытывал ни разу в присутствии человеческого существа. Происшествие, однако, ничуть не вывело меня из равновесия — ничего страшного, просто попало на глаза на редкость злобное, почти безумное лицо.

Крайне удивила меня при этом реакция капитана Бартона. Я знал его как человека храброго, в минуту истинной опасности всегда державшегося со спокойным достоинством. Тем более странным показалось мне тогда его поведение. Когда незнакомец приблизился, Бартон отступил на шаг или два и молча схватился за мою руку, видимо не помня себя от ужаса. Потом, когда коротышка, грубо оттолкнув меня, исчез, Бартон сделал несколько шагов ему вслед, остановился в растерянности и опустился на скамью. Ни разу мне не доводилось видеть лицо бледнее и изможденней.

— Боже мой, Бартон, что с вами? — спросил наш спутник, встревоженный его видом. — Вы ушиблись или, может быть, нездоровы? Что стряслось?

— Что он сказал? О чем он, я не расслышал? — спрашивал Бартон, не обращая ни малейшего внимания на слова ***.

— Ерунда! — отвечал тот, крайне изумленный. — Кого это интересует? Вы нездоровы, Бартон, решительно нездоровы! Позвольте я возьму для вас экипаж.

— Нездоров? Да нет, я здоров, — сказал Бартон, с явным усилием стараясь взять себя в руки, — но, говоря по правде, устал. Немного перетрудился, да и перенервничал. Я был, знаете ли, в суде лорда-канцлера. Когда процесс подходит к концу, всегда волнуешься. Мне весь вечер было не по себе, а сейчас мне уже лучше. Ну, пойдемте же, пойдемте!

— Нет-нет. Послушайте меня, Бартон, отправляйтесь домой: вам необходимо отдохнуть, у вас совершенно больной вид. Я настаиваю, чтобы вы разрешили мне проводить вас домой, — говорил приятель капитана.

Я присоединился к уговорам, тем более что Бартон явно был готов сдаться. Он расстался с нами, отклонив предложенную помощь. Я не настолько близко знал ***, чтобы обсуждать с ним происшедшее, но после обычного в таких случаях обмена сочувственными замечаниями понял: сказанное Бартоном не убедило его точно так же, как и меня, и мы оба подозревали, что для загадочного поведения нашего приятеля имелись какие-то тайные причины.

На следующий день я зашел к Бартону справиться о его здоровье и узнал от слуги, что, вернувшись накануне вечером домой, хозяин не покидал своей комнаты, однако он испытывает всего лишь легкое недомогание и надеется, что через несколько дней будет опять на ногах. В тот же вечер он послал за доктором Р., имевшим тогда большую практику в дублинском обществе, и у них состоялась, как говорят, весьма странная беседа.

Бартон рассказывал о своем недомогании равнодушно и отрывисто и казался, как ни странно, мало заинтересованным в лечении — во всяком случае, он дал понять, что существуют предметы, которые занимают его несравненно больше, чем теперешнее нездоровье. Он жаловался на возникавшее иногда учащенное сердцебиение и головную боль.

Доктор Р. спросил между прочим, не испытывает ли он почему-либо беспокойство или

⁴ Колледж-Грин — парк в центре Дублина; рядом с парком расположены Ирландский банк и Тринити-колледж.

тревогу. На это Бартон быстро и не без раздражения дал отрицательный ответ. Доктор вслед за тем объявил, что ничего у него не находит, кроме легкого расстройства пищеварения, выписал соответствующий рецепт и уже собирался откланяться, когда Бартон, словно внезапно о чем-то вспомнив, удержал его:

— Извините, доктор, едва не забыл. Не разрешите ли задать вам пару вопросов, касающихся медицины? Возможно, вы сочтете их странными и бестолковыми, но речь идет о пари, так что вы, надеюсь, меня простите.

Врач выразил готовность удовлетворить его любопытство.

Бартон, по всей видимости, не знал, с чего начать расспросы, и с минуту молчал, затем подошел к книжному шкафу, вернулся на место, сел и произнес:

— Вопросы покажутся вам ребяческими, но ответ мне необходим, чтобы выиграть пари, поэтому я их и задаю. Прежде всего, меня интересует столбняк. Если у человека была эта болезнь и он, как представляется, от нее умер — во всяком случае, обычный, средней руки врач заявил, что он мертв, — то может ли такой человек в конечном счете оказаться живым?

Врач улыбнулся и покачал головой.

— Но ведь бывают и ошибки? — снова заговорил Бартон. — Что, если речь идет о невежественном шарлатане: не мог ли он ошибиться, приняв какое-либо свойственное этой болезни состояние за смерть?

— Кто хоть раз в жизни видел смерть, — ответил врач, — тот никогда не спутает ее со столбняком.

Несколько минут Бартон размышлял.

— Задам вам вопрос, возможно еще более наивный. Скажите, не бывает ли в иностранных госпиталях — скажем, в неаполитанских — беспорядка и путаницы, например ошибок при регистрации больных и прочее?

Доктор Р. признал свою некомпетентность в этом вопросе.

— Хорошо, доктор, тогда последнее. Вероятно, я вас насмешу, но, так или иначе, прошу ответить. Существует ли среди всех человеческих болезней такая, от которой человек уменьшается в росте и объеме — то есть остается в точности подобен сам себе, но в других пропорциях, с другим ростом и размерами; *хотя бы одна* болезнь, пусть самая редкая, самая малоизвестная, может привести к таким изменениям?

Ответом были улыбка и самое решительное «нет».

— Тогда скажите, — проговорил Бартон отрывисто, — если у человека имеются причины опасаться, что на него нападет сумасшедший, разгуливающий на свободе, может ли он добиться ордера на задержание и арест этого сумасшедшего?

— Вопрос скорее по адвокатской части, чем по медицинской, — ответил доктор Р., — но, думаю, если обратиться к властям, дело нетрудно уладить законным порядком.

На этом врач распрощался, но в дверях холла вспомнил, что оставил наверху свою трость, и вернулся. Появление его привело к некоторой неловкости, потому что листок бумаги, в котором он узнал свой рецепт, медленно сгорал в камине, а Бартон сидел рядом, нахмурившийся и приунывший.

Доктор Р. был слишком тактичным человеком, чтобы заострять на этом внимание, но увиденное убедило его в одном: недуг гнезился не в теле капитана Бартона, а в душе.

Несколько дней спустя в дублинских газетах появилось следующее объявление:

«Если Сильвестр Йелланд, ранее служивший матросом на фрегате Его Величества «Дельфин», или его ближайшие родственники обратятся к мистеру Хьюберту Смит, поверенному, в его конторе на Дейм-стрит⁵, то они (или он) узнают нечто весьма для них (или для него) полезное. Встреча может состояться в любое время, вплоть до двенадцати часов ночи, — в случае, если заинтересованные стороны желают избежать любопытных глаз;

⁵ *Дейм-стрит* — улица в центральной, деловой части Дублина.

при необходимости гарантируется строжайшая секретность всех переговоров».

Как я уже упоминал, «Дельфин» был тем самым судном, которым командовал капитан Бартон. Сопоставив этот факт с усилиями автора при помощи афиш и газет распространить свое необычное обращение как можно шире, доктор Р. предположил, что обеспокоенность Бартона каким-то образом связана с лицом, упомянутым в тексте, и что автор последнего не кто иной, как сам Бартон.

Нет нужды добавлять, что это было не более чем догадкой. Посредник сохранил в тайне все сведения, могущие пролить свет на то, кто является его нанимателем и какова его истинная цель.

4. Бартон беседует со священником

Мистер Бартон, хотя и походил в последнее время на ипохондрика, был еще очень далек от того, чтобы подпасть под это определение. Веселым его характер, разумеется, трудно было назвать, но ровным — пожалуй. Унынию он не поддавался.

Соответственно, вскоре он обратился к своим прежним привычкам, и одним из первых признаков душевного подъема стало его появление на торжественном обеде франкмасонов⁶, ибо он принадлежал к этому достойному братству. Бартон, вначале мрачный и отрешенный, выпил много больше, чем обыкновенно — возможно, с целью разогнать собственные тревожные мысли, — и под влиянием хорошего вина и приятной компании постепенно сделался разговорчивым (чего с ним ранее не случалось), даже болтливым.

Непривычно возбужденный, он покинул общество приблизительно в половине одиннадцатого, и, так как праздничная атмосфера весьма располагает к галантности, ему в голову пришла мысль отправиться к леди Л. и провести остаток вечера с ней и со своей нареченной невестой.

И вот вскоре он оказался на ***-стрит и завел веселую беседу с обеими дамами. Не следует думать, что капитан Бартон преступил пределы, предписываемые благоразумием: выпил он ровно столько вина, чтобы дух возвеселился, но при этом не пошатнулся разум и не изменили хорошие манеры.

Испытывая чрезвычайный душевный подъем, Бартон совсем забыл или отбросил от себя смутные опасения, так долго над ним тяготевшие и до известной степени отдалившие его от общества. Но со временем искусственно возбужденная веселость пошла на убыль, и мучительные ощущения постепенно вернулись; Бартон сделался таким же рассеянным и встревоженным, как раньше.

Наконец он распрощался, мучимый предчувствием беды и перебирая в уме бесчисленное множество смутных опасений. Остро ощущая их тяжесть, он, тем не менее, пытался заставить себя пренебречь ими или сделать вид, что пренебрегает.

Именно гордое сопротивление тому, что он считал слабостью, и подтолкнуло его в данном случае на путь, приведший к приключению, о котором я собираюсь вам поведать.

Мистер Бартон без труда мог бы нанять экипаж, но понял, что острое желание это сделать вызвано не чем иным, как суеверными страхами (так он предпочитал называть свои чувства).

Он мог бы избрать и другой путь домой (не тот, о котором говорилось в таинственном предостерегающем письме), но и от этой идеи отказался по той же причине; с упорством почти отчаянным Бартон вознамерился довести дело до кризиса (неважно, какого именно), если для давешних страхов имелось какое-либо реальное основание, если же нет, то

⁶ *Франкмасоны* — члены тайного религиозно-философского общества. Организации франкмасонов («вольных каменщиков») выросли из цеховых корпораций строителей, основанных восемь веков назад. Постепенно из этих корпораций выделились члены лож, не связанные с профессией строителей. Такие ложи, возникшие во всех странах Европы, в XVIII в. объединяли людей, не чуждых либеральных и просветительских взглядов.

получить удовлетворительные доказательства их иллюзорности; поэтому он избрал свой старый маршрут, как и в ту памятную ночь, когда началось странное наваждение. По правде говоря, даже штурман, впервые ведущий судно под прицелом неприятельской батареи, не подвергает свою решимость столь суровому испытанию, какому подвергал себя капитан Бартон, когда ступил, сдерживая дрожь, на одинокую тропу, где (как он чувствовал, несмотря на все усилия сопротивлявшегося рассудка) затаилось какое-то злобное, враждебное существо.

Он шел размеренно и быстро, ожидая вот-вот услышать странные шаги, но все было тихо и он уже начал успокаиваться. Три четверти пути были благополучно пройдены, а впереди виднелся длинный ряд мерцавших масляных фонарей, которые освещали оживленную улицу.

Чувство облегчения, однако, покинуло Бартона очень скоро: позади него, ярдах в ста, прозвучал выстрел из мушкета и у самой его головы просвистела пуля. Первым его побуждением было броситься назад и настичь убийцу, но, как мы уже говорили, по обе стороны улицы были заложены фундаменты будущих домов, а за ними простирались обширные пустыри, усеянные мусором и брошенными печами для обжига кирпичей; причем все вокруг уже затихло, словно ни единый звук и не встревожил эти уродливые и безлюдные места. Понятно, что в такой обстановке искать убийцу в одиночку, без помощи со стороны, было бесполезно — тем более в полной тишине, которую не нарушал даже стук удалявшихся шагов.

Капитан Бартон — возбужденный, что естественно для человека, на которого только что было совершено покушение и который едва избег смерти, — повернулся и, не переходя на бег, быстро зашагал вперед.

Он повернулся, как я уже сказал, несколько секунд помедлив, и уже пустился в поспешное отступление, но тут же внезапно наткнулся на знакомого маленького человечка в меховой шапке. Встреча продолжалась всего лишь несколько мгновений. Коротышка шел той же неестественной походкой, что и раньше, с тем же выражением угрозы на лице, а когда поравнялся с Бартоном, тому послышался злобный шепот: «Жив, все еще жив!»

Душевное состояние мистера Бартона настолько отразилось на его здоровье и внешнем виде, что всем это бросалось в глаза.

По причинам, известным только ему самому, Бартон не предпринял никаких шагов, чтобы уведомить власти о едва не удавшемся покушении; напротив, он ревниво хранил его в тайне; лишь несколькими неделями позже, когда душевные муки заставили его наконец искать совета и помощи, он под строжайшим секретом доверился одному джентльмену.

Однако бедный Бартон, невзирая на хандру, вынужден был делать все, чтобы являть в свете лик человека довольного и счастливого, ибо ничто не могло оправдать в глазах общества отказа от тех приятных обязанностей, которые диктовались отношениями, связывавшими его и мисс Монтегю.

Бартон так ревниво хранил в тайне свои душевные муки и обстоятельства, их вызвавшие, что возникало подозрение: быть может, причина странного преследования ему известна и ее приходится скрывать.

Рассудок, погруженный, таким образом, в себя, терзаемый тревогой, не решавшийся довериться ни единой человеческой душе, день ото дня все более возбуждался и, разумеется, все более поддавался воздействию со стороны нервной системы. При этом Бартон все чаще оказывался лицом к лицу с тайными видениями, которые с самого начала обрели над ним страшную власть.

Как раз в то время Бартон нанес визит знаменитому тогда проповеднику, доктору *** (он был с ним немного знаком), и воспоследовала весьма необычная беседа.

Когда доложили о приходе Бартона, проповедник сидел в своем кабинете в колледже, окруженный богословскими трудами, и размышлял.

Манеры вошедшего свидетельствовали о растерянности и волнении. Это, а также

бледное, изнуренное лицо посетителя навело ученого на грустную мысль: его гость недавно испытывал поистине жестокие муки, ведь что же еще могло вызвать перемены столь разительные — прямо сказать, пугающие.

После обычного обмена приветствиями и общими замечаниями капитан Бартон, заметив, вероятно, что его визит изумил хозяина (доктор не сумел это скрыть), прервал краткую паузу словами:

— Мой приход сюда может показаться странным, доктор, и, вероятно, едва ли оправданным, если учесть, как мало мы знакомы друг с другом. При обычных обстоятельствах я ни за что не осмелился бы вас побеспокоить. Не считайте мой визит праздным или бесцеремонным вторжением. Уверен, вы так не подумаете, когда узнаете, какие муки я терплю.

Доктор прервал его уверениями, каких требует в подобных случаях вежливость, а затем Бартон продолжил:

— Я намерен злоупотребить вашей снисходительностью, чтобы спросить у вас совета. Я говорю «снисходительность», но мог бы сказать больше: я вынужден взывать к вашей человечности, сочувствию, ибо я невыносимо страдал и страдаю.

— Дорогой сэр, — отозвался служитель церкви, — я воистину был бы глубоко удовлетворен, если бы мог утишить ваши духовные терзания, но...

— Я знаю, что вы собираетесь сказать, — быстро прервал его Бартон. — Я неверующий, а значит, не способен воспользоваться помощью церкви; но не считайте это само собой разумеющимся. Во всяком случае, из того, что у меня нет твердых религиозных убеждений, не стоит делать вывод, будто я не испытываю глубокого — очень глубокого — интереса к религии. События последних дней заставили меня обратиться к изучению вопросов, связанных с верой, так непредвзято и с таким открытым сердцем, как никогда ранее.

— Ваши трудности, я полагаю, связаны с доказательствами откровения, — подсказал священник.

— Нет, не совсем; собственно, как ни стыдно в этом признаваться, я не обдумал своих возражений настолько, чтобы связно их изложить, но... есть один предмет, к которому я питаю особый интерес.

Он снова примолк, и доктор попросил его продолжать.

— Дело вот в чем, — заговорил Бартон. — Сомневаясь относительно того, что принято называть откровением, я глубоко убежден в одном: помимо нашего мира существует мир духов, по большей части из милосердия от нас сокрытый, но он может приоткрыться, и временами, к нашему ужасу, так и происходит. Я уверен — *я знаю точно*, — продолжал Бартон, все более волнуясь, — что Бог существует — Бог грозный — и что за виной неисповедимым, поразительным образом следует воздаяние от сил ужасных и непостижимых уму; что существует мир духов, — Боже правый, мне пришлось в этом убедиться! — мир злобный, безжалостный и всемогущий, заставляющий меня переживать муки ада! Да, жестокие пытки преисподней!

Пока Бартон говорил, он впал в такое неистовство, что богослов был поражен, более того — испуган. Взволнованная порывистость речи, а главное, невыразимый ужас, запечатлевшийся в чертах Бартона, составляли резкий, болезненный контраст его обычному холодному и бесстрастному самообладанию.

5. Бартон излагает свое дело

— Дорогой сэр, — произнес доктор *** после недолгого молчания, — я вижу, что вы и в самом деле глубоко несчастны, но осмелюсь предсказать, что вашей нынешней хандре найдется вполне материальное объяснение, и с переменой климата, а также с помощью подкрепляющих средств вы развеселитесь и приободритесь. В конце концов, не так уж далека от истины старая теория, которая утверждает, что чрезмерное преобладание того или

иного душевного настроя связано с чрезмерной активностью или, наоборот, вялостью того или иного телесного органа. Поверьте, немного диеты, физических упражнений и прочих полезных для здоровья мер под опекой знающего врача, и вы снова придете в себя.

— Доктор, — сказал Бартон, содрогнувшись, — я не могу обольщаться подобными надеждами. Мне остается лишь уповать на то, что некая иная духовная сила, более могущественная, чем та, которая меня терзает, возьмет верх над последней и спасет меня. Если это невозможно, тогда я пропал — окончательно пропал.

— Но мистер Бартон, припомните, — стал уговаривать его собеседник, — что и другие страдали так же, как вы, и...

— Нет, нет же! — прервал его Бартон с раздражением. — Нет, сэр. Я не суеверный, далеко не суеверный человек. Я был склонен — возможно, даже чересчур — к обратному: поощрял в себе скептицизм и недоверчивость, но я не принадлежу к тем, кого не убеждает вообще ничто, кто способен пренебречь многократно повторяемым, *постоянным* свидетельством своих собственных чувств, и теперь наконец я вынужден поверить; мне не убежать, не скрыться от подавляющей очевидности: мне является, меня преследует по пятам *демон!*

Всепоглощающий ужас искажил черты Бартона, когда он, обратив к собеседнику унылое, мертвенно-бледное лицо, излил таким образом свои чувства.

— Помогите вам Господь, мой бедный друг, — произнес потрясенный доктор. — Помогите вам Господь, ибо вы *воистину* страдалец, какова бы ни была причина ваших мук.

— Да поможет мне Господь! — сурово откликнулся Бартон. — Но *поможет ли* он мне, поможет ли?

— Молитесь ему, молитесь с верой и смирением, — отвечал доктор ***.

— Молитесь! — снова повторил Бартон. — Я не могу молиться; легче сдвинуть гору усилием воли. Для молитвы мне недостает веры; что-то во мне сопротивляется молитве. Я не в силах последовать вашему совету — это невозможно.

— Только попытайтесь, и вы убедитесь в обратном.

— Попробуйте! Я пытался и приводил себя в смятение, а иногда — в ужас. Я пытался снова и снова, и все было бесполезно, более чем бесполезно. Устрашающая, невыразимая идея вечности и бесконечности подавляет, загоняет в безумие мой мозг, когда я принимаюсь размышлять о Создателе, — я пугаюсь и отступаю. Говорю вам, доктор, если мне суждено спасение, то иным путем. Идея вечного Творца для меня неприемлема, моему рассудку не вынести этой мысли.

— Тогда скажите, дорогой сэр, — спросил собеседник, — какой поддержки вы от меня ждете, что надеетесь узнать? Могу ли я что-нибудь сказать или сделать для вашего спасения?

— Сперва послушайте меня, — проговорил капитан Бартон с подавленным видом, сиюсь обуздать свое волнение, — послушайте, и я вам расскажу в подробностях о том наваждении, из-за которого моя жизнь сделалась непереносимой и которое заставило меня убоиться *смерти* и потустороннего мира так же сильно, как я возненавидел посюсторонний.

Бартон повел затем рассказ о тех происшествиях, которые уже вам известны, и продолжил таким образом:

— Это стало делом обычным — привычкой. Я не имею в виду, что вижу его во плоти — слава Богу, такое дозволяется не каждый день. Хвала Создателю, от *этого* ужаса мне милосердно даруется хотя бы отдых, раз уж не дано избавления. Но от сознания, что злобный дух повсюду меня преследует, мне не отделаться ни на минуту. Мне вослед несутся богохульства, крики отчаяния, на меня изливается отвратительная, безумная ненависть. Эти страшные звуки раздаются всякий раз, когда я заворачиваю за угол; эти выкрики доносятся до меня ночью, когда я сижу один в своей комнате; они преследуют меня повсюду, обвиняют в отвратительных преступлениях и — Боже милосердный! — грозят неминуемой местью и вечными муками. Тсс... *Слышите?* — вскричал Бартон с жуткой торжествующей усмешкой. — Слушайте, слушайте, теперь-то вы мне верите?

К священнику подкрался леденящий ужас, когда в вое внезапно поднявшегося ветра он различил как будто приглушенные неясные восклицания, в которых угадывались ярость и злобная насмешка.

— Ну, что вы об *этом* думаете? — выкрикнул наконец Бартон, хватая ртом воздух.

— Я слышал шум ветра. Что же мне думать, ничего особенного в этом нет.

— «Князь, господствующий в воздухе»⁷, — пробормотал Бартон, содрогаясь.

— Ну-ну, дорогой сэр. — Ученый пытался ободрить сам себя, ибо даже сейчас, среди бела дня, в нервном возбуждении, жестоко терзавшем посетителя, с беспокойством ощущал что-то заразительное. — Вам не следует поддаваться этим диким фантазиям, сопротивляйтесь порывам воображения.

— Как же, «противостаньте дьяволу, и убежит от вас»⁸, — отозвался Бартон по-прежнему мрачно. — Но *как* сопротивляться? В этом вся трудность. Что... *что* мне делать? Что я *могу* сделать?

— Дорогой сэр, все это фантазии, — отвечал книжник, — вы терзаете сами себя.

— Нет-нет, сэр, с фантазиями это не имеет ничего общего, — возразил Бартон с оттенком суровости в голосе. — Эти адские звуки, которые и вы, точно так же, как я, только что слышали, — фантазии? Как бы не так! Нет, нет.

— Но вы видели этого человека неоднократно. Почему вы не заговорили с ним, не задержали его? Не поторопились ли вы — если не сказать больше — предположить вмешательство сверхъестественных сил, в то время как все происшедшее поддается более простому объяснению, стоит только надлежащим образом поразмыслить?

— Есть некоторые обстоятельства, связанные с этим... этим *явлением*, — не стану объяснять, в чем они заключаются, но я вижу в них доказательства его зловещей природы. Я знаю: существо, которое меня преследует, — не человек. Говорю вам, я это *знаю* и мог бы вам доказать. — Бартон помолчал, а потом добавил: — А заговорить с ним я не решаюсь, не могу; при виде его я становлюсь беспомощен, сама смерть взирает на меня. Я оказываюсь пред лицом торжествующей адской силы, воплощенного зла. Решимость, чувства, память — все изменяет мне. О Боже! Боюсь, сэр, вы сами не знаете, о чем говорите. Пощадите, силы небесные, сжальтесь надо мной!

Бартон оперся локтем о стол, прикрыл рукой глаза, словно заслоняясь от какого-то жуткого образа, и принялся вновь и вновь взывать к небесам.

— Доктор ***, — сказал он, внезапно вставая и умоляюще глядя священнику прямо в глаза, — я уверен, вы сделаете для меня все, что только возможно. Вы знаете теперь о постигшем меня бедствии. Самому мне не спастись, у меня нет надежды, я совершенно бессилен. Заклинаю вас, обдумайте мою историю, и, если способна тут помочь чужая молитва, заступничество доброго человека или что-либо иное, на коленях именем Всевышнего прошу: протяните мне руку помощи перед лицом смерти. Вступитесь за меня, сжальтесь; я знаю, вы это сделаете, вы не сумеете мне отказать. Именно затем я и пришел сюда. Даруйте мне напоследок проблеск — малейший проблеск — надежды, а я наберусь храбрости, чтобы выносить час за часом тот кошмар, в который превратилось мое существование.

Доктор *** заверил Бартона, что может только молиться за него от всего сердца и не преминет так и поступить. Их прощание было поспешным и грустным. Бартон быстро сел в ожидавшую его у дверей коляску, задернул шторы и двинулся в путь, а доктор *** вернулся в свою комнату, чтобы на досуге поразмыслить о странном разговоре, прервавшем его ученые штудии.

⁷ «Князь, господствующий в воздухе». — Послание к Эфесянам святого апостола Павла, 2:2.

⁸ ...«противостаньте дьяволу, и убежит от вас»... — Соборное послание святого апостола Иакова, 4:7.

6. Новая встреча

Трудно было ожидать, что странная метаморфоза, приключившаяся с капитаном Бартоном, не сделается в итоге темой для пересудов. Теорий, объяснявших загадку, было выдвинуто несколько. Одни подозревали тайные денежные потери, другие — нежелание выполнять обязательства, принятые на себя, судя по всему, чересчур поспешно; наконец, третьи — зарождавшуюся душевную болезнь. Последняя гипотеза была признана наиболее вероятной и чаще других склонялась досужими языками.

Как бы ни были малозаметны поначалу признаки происшедшей перемены, от внимания мисс Монтегю они, разумеется, не ускользнули. Близкое общение с будущим мужем, а также естественный к нему интерес давали ей как повод, так и возможность пустить в ход свою проницательность и наблюдательность — дары, особо характерные именно для женского пола.

Визиты жениха сделались со временем столь нерегулярными, а его рассеянность и беспокойство — столь заметными, что леди Л. после неоднократных намеков высказала наконец свое недоумение вслух и потребовала объяснений.

Объяснения были даны, и поначалу они развеяли худшие тревоги старой леди и ее племянницы, но, поразмыслив немного о вновь открывшихся странных обстоятельствах, которые поистине пагубным образом сказались на состоянии духа и даже рассудке несчастного, обе дамы растерялись.

Генерал Монтегю, отец молодой леди, наконец-то прибыл. Он был немного знаком с Бартоном лет десять—двенадцать тому назад, наслышан о его состоянии и связях и склонялся к тому, что Бартон — идеальная, в высшей степени желанная партия для его дочери. Выслушав рассказ о преследовавшем Бартона призраке, он рассмеялся и поспешил отправиться к предполагаемому зятю.

— Мой дорогой Бартон, — начал генерал весело после краткой беседы о том о сем, — сестра рассказывает, что вас гложет какой-то ни на что не похожий червячок.

Бартон переменился в лице и глубоко вздохнул.

— Ну-ну, это уж никуда не годится, — продолжал генерал. — Вы смахиваете на человека, которого ждет виселица, а не алтарь. Этот червячок вам прямо-таки выел все нутро.

Бартон попытался перевести разговор на другую тему.

— Нет, нет, так не пойдет, — заявил гость со смехом, — раз уж я решил быть откровенным, то выскажу все, что думаю про эти ваши страсти-мордасти. Уж не сердитесь, но жалко смотреть, как вы в вашем возрасте до того запуганы, что сделались пай-мальчиком, словно ребенок, которого застращали букой. Да и было бы чего бояться, а то ведь смех один, как я слышал. В самом деле, когда мне об этом рассказали, я расстроился, но притом сразу понял, что стоит постараться, повести дело с толком, и за неделю, а то и скорее, все прояснится.

— Ах, генерал, вы не знаете... — начал Бартон.

— Знаю достаточно, чтобы не сомневаться в успехе, — прервал его старый вояка. — Я знаю, всем вашим неприятностям виной человек в шапке, пальто и красной фуфайке, со злобной физиономией, который вам по временам является, таскается за вами, набрасывается на вас на перекрестках и доводит до припадков. Так вот, дружище, я берусь поймать этого злосчастного фигляра и либо собственными руками сделаю из него котлету, либо не пройдет и месяца, как его проташат по городу за повозкой, избивая кнутом.

— Если бы вы знали то, что известно мне, — произнес Бартон мрачно и взволнованно, — вы бы так не говорили. Я не настолько слаб, чтобы выносить суждение при отсутствии неопровержимых доказательств. Эти доказательства заключены здесь, здесь. — Он похлопал себя по груди и с тяжким вздохом принялся ходить взад-вперед по комнате.

— Ну-ну, Бартон, что угодно готов прозакладывать, я в два счета поймаю этого призрака, и даже вам все станет ясно.

Генерал продолжал в том же духе, но внезапно вынужден был в испуге умолкнуть, когда Бартон, стоя у окна, отшатнулся, словно оглушенный ударом, и указал рукой на улицу. Лицо и даже губы Бартона побелели, он бормотал: «Там... Боже мой, там!»

Генерал Монтегю невольно вскочил на ноги и, выглянув в окно гостиной, увидел фигуру, в точности отвечавшую — насколько он успел рассмотреть — описанию того человека, который упорно являлся, чтобы мучить его друга.

Коротышка как раз отходил от ограды низкого двора, на которую только что опирался. Старый джентльмен не задержался у окна, а схватил трость и шляпу и, пылая надеждой схватить таинственного незнакомца и наказать его за дерзость, сломя голову бросился вниз по лестнице.

На улице генерал осмотрелся, но человека, которого только что видел так отчетливо, не обнаружил. Пыхтя он помчался к ближайшему углу, где рассчитывал застигнуть удалявшуюся фигуру, но ничего похожего ему на глаза не попало. Он носился взад-вперед от одного перекрестка к другому, потеряв голову, пока любопытные взгляды и смеющиеся лица прохожих не подсказали ему, что поиски потеряли всякий смысл. Он резко остановился, опустил свою угрожающе поднятую в порыве ярости трость, поправил шляпу, принял спокойный вид и пошел назад, в глубине души разозленный и взбудораженный. Вернувшись, он обнаружил, что Бартон бледен и дрожит с головы до пят. Несколько секунд оба молчали, но каждый при этом думал о своем. Наконец Бартон прошептал:

— Вы это видели?

— *Это?* Ну да, его, то есть того самого... да, видел, — отвечал Монтегю с раздражением. — Но что толку? Он бежит быстрее ветра. Я хотел его *поймать*, но он смылся, не успев я еще добежать до двери. Но неважно, в следующий раз я наверняка успею, и, ей-богу, придется ему отведать моей трости.

Что бы ни предпринимал генерал Монтегю, как ни увещевал он будущего зятя, мучения Бартона продолжались, и все по той же необъяснимой причине: его повсюду преследовало, на каждом шагу подстерегало существо, возымевшее над ним столь страшную власть.

Нигде и никогда не был он в безопасности: отвратительное видение преследовало его с упорством поистине дьявольским.

Уныние и беспокойство с каждым днем овладевали Бартоном все больше. Беспрестанные душевные муки стали серьезно сказываться на его здоровье, и леди Л., и генерал Монтегю легко уговорили его предпринять короткую поездку на континент в надежде, что смена обстановки прервет цепь ассоциаций, связанных со знакомыми местами. Именно в этих ассоциациях, как предполагали те из друзей Бартона, кто с наибольшим скептицизмом относился к возможности сверхъестественного вмешательства, и крылась причина вновь и вновь возникавших нервных иллюзий.

Генерал же Монтегю не сомневался, что существо, являвшееся его будущему зятю, ни в коей мере не было плодом воображения, а напротив, состояло из плоти и крови и одушевлялось решимостью преследовать несчастного джентльмена, намереваясь, судя по всему, сжить его со света.

В этой гипотезе также не заключалось ничего приятного, но было ясно: если удастся убедить Бартона в том, что сверхъестественные, как он считал, феномены на самом деле таковыми не являются, происходящее не станет более наводить на него такой ужас и губительное воздействие на его душевное равновесие и здоровье прекратится. Если бы во время путешествия, с переменой обстановки досаждавшие Бартону явления исчезли, он мог бы сделать вывод, что они ничего сверхъестественного в себе не содержат.

7. Бегство

Сдавшись на уговоры, Бартон в обществе генерала Монтегю отправился из Дублина в

Англию. В почтовой карете они быстро добрались до Лондона, а затем до Дувра⁹, откуда с попутным ветром отплыли на пакетботе в Кале. С тех пор, как они покинули берега Ирландии, генерал день ото дня все больше верил в благотворное воздействие поездки на душевное здоровье своего спутника: в пути Бартона, к несказанной его радости, ни разу не посещали прежние кошмары, из-за которых он постепенно погрузился в глубины отчаяния.

Настал конец мукам, от которых Бартон уже не чаял избавиться, и он вновь почувствовал себя в безопасности. Все это воодушевляло, и, наслаждаясь своим, как он полагал, избавлением, Бартон предавался счастливым мечтам о будущем, в которое еще недавно не решался заглядывать. Короче говоря, Бартон и его будущий тесть втайне уже поздравляли себя с тем, что о неотступном мучительном наваждении, преследовавшем капитана, можно теперь забыть.

Стоял прекрасный день, и на пристани столпилось множество зевак, пришедших поглазеть на суету, которая сопровождала прибытие пакетбота. Когда Монтегю, немного опередивший Бартона, пробирался сквозь толпу, какой-то небольшого роста человек тронул его за рукав и заговорил на диалекте:

— Месье слишком спешит; так он потеряет в толпе большого джентльмена, что идет следом. Ей-богу, бедный джентльмен вот-вот упадет без чувств.

Монтегю быстро обернулся и увидел, что Бартон и в самом деле смертельно бледен. Монтегю поспешил к нему.

— Дружище, вам нехорошо? — спросил встревоженный генерал.

Монтегю пришлось повторить этот вопрос не один раз, пока Бартон не выдавил из себя:

— Я его видел... там... я видел его!

— *Его?* Этого негодяя... Где он? — выкрикивал генерал, оглядывая толпу.

— Я его видел. Но его уже нет, — повторил Бартон слабым голосом.

— Но где... где вы его видели? Да говорите же, ради Бога! — неистовствовал генерал.

— Только что... *здесь*, — последовал ответ.

— Но как он выглядит? Во что одет? Да быстрее же! — подгонял своего спутника взволнованный генерал, готовый молнией метнуться в толпу и схватить обидчика за шиворот.

— Он взял вас за руку, что-то шепнул и указал на меня. Господи, сжался надо мной, мне нет спасения. — В приглушенном голосе Бартона слышалось отчаяние.

Подстегиваемый надеждой и яростью, Монтегю уже ринулся в толпу, но, хотя необычное обличье незнакомца живо запечатлелось в его памяти, никого, хотя бы отдаленно похожего на эту странную фигуру, ему отыскать не удалось.

В бесплодных поисках генерал воспользовался помощью нескольких случайных свидетелей, полагавших, что речь идет об ограблении. Но и их усердие ни к чему не привело, и генерал, запыхавшийся и сбитый с толку, вынужден был в конце концов сдаться.

— Бесполезно, дорогой друг, — произнес Бартон слабым голосом. Бледный как полотно, он походил на человека, которому нанесли смертельный удар. — Его не одолеть. Кем бы он ни был, но страшные узы отныне приковали меня к нему... мне нет спасения... нет избавления во веки веков!

— Ерунда, мой дорогой Бартон, не говорите так, — возразил генерал, колеблясь между гневом и страхом. — Послушайте меня, не горюйте, мы еще схватим этого негодяя, немножко терпения, и дело в шляпе.

Однако с того дня не стоило и пытаться внушить Бартону хоть какую-нибудь надежду; он пал духом окончательно.

Неосызаемое, ничтожное, казалось бы, воздействие быстро лишало его жизненных сил,

⁹ *Дувр* — английский порт (графство Кент) в проливе Па-де-Кале. На противоположной стороне пролива расположен французский порт *Кале*.

губило разум и здоровье. Он хотел теперь только одного: вернуться в Ирландию, где, как он полагал и почти надеялся, его ждала скорая смерть.

И вот он достиг Ирландии, но первым, что он увидел на берегу, снова было лицо его страшного, неумолимого преследователя. Не только радость жизни, не только упования покинули Бартона — он лишился также и свободы воли. Теперь все решали за него друзья, озабоченные его благополучием, а он только безропотно подчинялся.

Отчаявшийся и безвольный, он послушно проделывал все, что они советовали. А те придумали последнее средство: поселить Бартона в доме леди Л. вблизи Клонтарфа¹⁰ и поручить заботам врача. Врач, между прочим, упорно стоял на том, что вся история не более чем следствие нервной болезни. Было решено, что Бартон должен неотлучно находиться в доме, причем исключительно в тех комнатах, окна которых выходили во внутренний дворик, ворота же дворика надлежало тщательно запирасть.

Указанные меры предосторожности были рассчитаны на то, чтобы в поле зрения капитана не попало случайно какое-нибудь постороннее живое существо; как полагали, в каждом встречном, имевшем хотя бы отдаленное сходство с тем образом, который нарисовало ему вначале воображение, Бартону мерещился его преследователь.

Месяц-другой полного затворничества, с соблюдением вышеописанных условий, и — как рассчитывали друзья — цепь кошмаров будет прервана, а затем рассеются постепенно и укоренившиеся в сознании больного страхи и ассоциации, которые питали болезнь и препятствовали излечению.

Самые радужные надежды связывались с жизнерадостной обстановкой и с неусыпными заботами друзей. Против такого средства и самая упорная ипохондрия устоять не способна.

И вот бедняга Бартон, не надеясь окончательно избавиться от ужаса, отравившего все его существование, поселился в обществе леди Л., генерала Монтегю и своей невесты в новых апартаментах, куда посторонний, которого он так страшился, ни под каким видом не мог проникнуть.

Вскоре неуклонное следование принятому образу действий дало плоды: медленно, но верно к больному стало возвращаться как телесное, так и душевное благополучие. Это не означало, однако, что дело двигалось к полному выздоровлению. Напротив, всякий, кто знал Бартона до его странной болезни, был бы потрясен происшедшей в нем переменой.

При всем том и незначительного улучшения было довольно, чтобы преисполнить благодарностью и восторгом доброжелателей Бартона, в особенности молодую леди, заслуживавшую, пожалуй, не меньшего сочувствия, чем он сам, — и за привязанность к нему, и за то двусмысленное положение, в котором она оказалась ввиду продолжительной болезни жениха.

Прошла неделя, две, месяц: ненавистный преследователь более не появлялся. Пока что лечение шло как нельзя более успешно. Цепь ассоциаций удалось прервать; груз, обременявший измученную душу, был снят, и при таких благоприятных обстоятельствах больной вновь ощутил себя членом человеческого сообщества и начал испытывать если не радость жизни, то хотя бы интерес к ней.

Именно в это время леди Л., владевшая, подобно большинству старых дам того времени, семейными рецептами и претендовавшая на немалые познания в медицине, послала свою горничную в огород, снабдив ее списком трав, которые надлежало со всем тщанием собрать и доставить хозяйке для известных этой последней надобностей. Горничная, однако, вскоре вернулась, переполошенная и испуганная, выполнив поручение едва ли наполовину. Оправдывая свое бегство и страх, она поведала вещи столь странные, что у старой леди голова пошла кругом.

8. Умиротворенный

¹⁰ Клонтарф — пригород Дублина.

По словам горничной, она, выполняя поручение хозяйки, отправилась, куда ей было велено, и приступила к отбору трав из тех, что буйно разрослись в забытом уголке огорода. За этим приятным занятием она сама не заметила, как стала напевать одну старинную песенку, — «чтобы не соскучиться», как она пояснила. Вскоре, однако, ей пришлось умолкнуть, потому что послышался чей-то злобный смех. Она подняла глаза и через живую изгородь, окружавшую сад, увидела какого-то маленького человечка, на редкость неприятного обличия. Незнакомец (в лице его читались злоба и ненависть) стоял напротив нее, по ту сторону кустов боярышника, которые ограждали сад.

Горничная рассказывала, что застыла на месте ни жива ни мертва, а человечек тем временем дал ей поручение к капитану Бартону. Как ей отчетливо вспоминалось, смысл сказанного сводился к следующему: пусть, дескать, капитан Бартон, как раньше, выходит погулять и покалякать с друзьями, в противном же случае дождется, что гости нагрянут прямо к нему.

В довершение всего незнакомец с угрожающим видом спустился в канаву, которая опоясывала изгородь снаружи, схватился за стволы боярышника и сделал вид, будто собирается пробраться через изгородь, — судя по всему, это не составило бы для него большого труда.

Девушка, конечно, не стала ожидать дальнейшего развития событий: уронив на землю свой драгоценный чабрец и розмарин, она сломя голову кинулась в дом. Леди Л. наказала ей, под угрозой немедленного увольнения, никому ни слова не говорить о происшедшем, а сама тем временем разослала слуг на поиски незнакомца. Обыскали сад и близлежащие поля, но, как обычно, безуспешно. Охваченная дурными предчувствиями, леди Л. рассказала о случившемся брату. Эта история долгое время хранилась в тайне — в особенности, разумеется, от Бартона, чье здоровье медленно, но верно шло на поправку.

Между тем Бартон начал иногда прогуливаться во дворе, упомянутом мною выше. Двор был обнесен сплошной высокой стеной, полностью скрывавшей от глаз улицу. Бартон чувствовал себя здесь в безопасности и мог бы и дольше наслаждаться покоем, если бы один из конюхов не ослушался по беспечности хозяйских распоряжений. Двор сообщался с улицей через деревянные ворота, в которых имелась калитка. С внешней стороны их защищала железная решетка. Было дано строжайшее указание тщательно запирать оба замка. Несмотря на это, однажды, когда Бартон, как обычно, медленно мерил шагами тесный двор и собирался, упершись в стену, повернуть назад, он увидел, что деревянная калитка распахнута настежь, а через железную решетку на него неотрывно смотрят глаза его мучителя. Несколько секунд он стоял неподвижно — онемевший и бледный — под чарами этого ужасного взгляда, а потом без чувств рухнул на плиты двора.

Там его вскоре и нашли, а затем отнесли в комнату, которую ему не суждено уже было покинуть живым. С тех пор в его характере произошла разительная и необъяснимая перемена. Новый капитан Бартон не походил на прежнего, возбужденного, впавшего в отчаяние; да, произошла странная метаморфоза: в душе Бартона воцарилось непонятное умиротворение, предвестие могильного покоя.

— Монтегю, друг мой, борьба уже близится к концу, — сказал Бартон невозмутимым тоном, но с благоговейным страхом в недвижном взоре. — Мир духов, до сих пор каравший меня, дарует мне ныне малую толику утешения. Теперь я знаю — избавление не за горами.

Монтегю попросил его продолжать.

— Да, — произнес Бартон кротким голосом, — срок искупления почти уже истек. Скорбь моя, вероятно, пребудет со мною вечно, но *муки* прекратятся очень скоро. Мне даровано утешение, и все превратности, что еще выпадут на мою долю, я снесу с покорностью, более того — с надеждой.

— Мне радостно слышать, дорогой Бартон, такие благостные речи, — отозвался Монтегю, — спокойствие и веселость как раз и требуются, чтобы воспрянуть духом.

— Нет-нет, этому не бывать, — последовал печальный ответ, — к жизни мне уже не

возродиться. Я скоро умру. Мне предстоит еще один лишь раз увидеть его, и все будет кончено.

— Это он вам так сказал?

— Он? Нет-нет, ему ли приносить мне добрые известия, а это весть добрая и желанная. Как величаво и мелодично она прозвучала, с какой непередаваемой любовью и печалью! Но об этом я умолчу, чтобы не сказать лишнего о событиях и людях недавнего прошлого. — Бартон говорил, а по щекам его катились слезы.

— Ну-ну, — проговорил Монтегю, не знавший истинной причины волнения Бартон, — не стоит отчаиваться. Ведь дело выеденного яйца не стоит: причудилась раз-другой какая-то ерунда, или, на худой конец, вмешался какой-то хитрый негодяй, который упивается своей властью над вами и любит ее испытывать: подлый мошенник на вас обозлился и сводит счеты таким образом, не осмеливаясь действовать как подобает мужчине.

— Обозлился... Да, так оно и есть, — Бартон внезапно задрожал всем телом, — именно обозлился, как вы говорите, и не зря. О Боже! Когда при попущении Божественного правосудия воздаяние измышляет враг рода человеческого, когда он вкладывает карающий меч в руки существа потерянного, жертвы греха, когда этот последний своей гибелью обязан именно тому, кто ныне отдан ему во власть, — тогда, воистину, муки и мытарства ада можно изведать здесь, на земле. Однако небеса сжалились надо мной: у меня наконец появилась надежда, и если в смертный час я буду избавлен от того ужасающего образа, который обречен видеть вседневно, то закрою глаза с радостью в душе. Но хотя смерть для меня желанная гостья, меня охватывает неизъяснимый страх, панический ужас, когда я думаю о последней встрече с этим... этим демоном, который привел меня на край бездны и готовится столкнуть вниз. Мне предстоит увидеть его еще раз, и заключительная встреча будет самой страшной из всех.

Когда Бартон произносил эти слова, его била такая сильная дрожь, что Монтегю при виде столь внезапного и крайнего смутения встревожился и поспешил перевести разговор на прежнюю тему, оказавшую на больной рассудок его друга успокоительное действие.

— Это был не сон, — сказал Бартон, немного помолчав, — это было какое-то иное состояние. Окружающая обстановка, при всей ее непривычности и странности, выглядела так же ясно и живо, как то, что мы видим сейчас. Это была реальность.

— И что же вам явилось? — последовал нетерпеливый вопрос.

— Я медленно, очень медленно приходил в сознание после обморока (это произошло, когда мне попался на глаза *он*), — продолжал Бартон, словно не слыша собеседника. — Оказалось, что я лежу на берегу большого озера, вдаль со всех сторон виднеются окутанные туманом холмы, и все вокруг залито нежным розовым светом. Это было зрелище, исполненное необычайной печали и одиночества, но подобной красоты мне не доводилось видеть нигде. Моя голова покоилась на коленях какой-то девушки, и та пела песню, в которой — то ли словами, то ли мелодией — говорилось обо всей моей жизни: о прошедшем, равно как и о будущем. Во мне пробудились давно забытые чувства, и из глаз моих полились слезы; виной тому были и таинственная красота песни, и неземная нежность голоса. А ведь мне был знаком этот голос — о, как он мне запомнился! Скованный чарами, я слушал и наблюдал, не шевелясь и едва дыша, и — увы! — не догадывался перевести взгляд с дальних предметов на близкие: столь прочно, хотя и нежно, завладело мной волшебство. А потом и песня, и пейзаж стали медленно растворяться в воздухе, пока вновь не воцарились темнота и безмолвие. Вслед за тем я вернулся в здешний мир, приободрившись (вы это заметили), ибо многое мне простилось. — Бартон снова залился слезами и плакал долго и горько.

С того дня, как мы уже говорили, Бартон почти безраздельно предался глубокой и спокойной печали. Но время от времени спокойствие изменяло ему. Бартон, нимало не сомневаясь, ожидал еще одной, последней встречи со своим преследователем, причем столь ужасной, что она затмит все предыдущие. Предвидя будущие несказанные муки, он неоднократно впадал в такие пароксизмы самого жалкого страха и отчаяния, что всех

домашних охватывал суеверный ужас. Даже те из них, кто вслух отрицал возможность вмешательства потусторонних сил, среди ночного безмолвия нередко отдавали тайную дань малодушию, и никто не сделал попытки отговорить Бартона, когда тот принял (и стал неукоснительно выполнять) решение затвориться отныне в своей комнате. Шторы здесь были всегда тщательно задернуты; почти неотлучно, день и ночь, при Бартоне находился слуга: даже кровать его помещалась в комнате хозяина.

На этого человека, преданного и достойного доверия, в дополнение к обычным обязанностям слуги — необременительным, так как Бартон не любил пользоваться посторонней помощью, — возлагалась также задача следить за соблюдением тех простых мер предосторожности, благодаря которым его хозяин надеялся обезопасить себя от «Наблюдателя». Кроме упомянутых мер, сводившихся в первую очередь к тому, чтобы тщательно закрыть двери и задергивать шторы на окнах, дабы хозяин не подвергся зловредному воздействию извне, слуге было вменено в обязанность ни в коем случае не оставлять хозяина одного, ибо мысль о полном одиночестве, пусть даже кратковременном, сделалась для Бартона столь же невыносимой, сколь и идея отказаться от затворничества и вернуться к светской жизни. Бартон инстинктивно предчувствовал событие, которому суждено было свершиться в скором времени.

9. Requiescat¹¹

Не знаю, нужно ли говорить, что в сложившихся обстоятельствах о выполнении матримониальных обязательств речь не заходила. Между молодой леди и Бартоном существовала слишком большая разница в годах и, конечно, в привычках, чтобы ожидать от невесты бурной страсти или нежных чувств. Да, она была опечалена и встревожена, но сердце ее отнюдь не было разбито.

Как бы то ни было, мисс Монтегю посвятила немало времени и терпения безуспешным попыткам подбодрить несчастного больного. Она читала ему вслух, вела разговоры, но было очевидно, что все его усилия, все старания вырваться из цепких когтей страха совершенно бесплодны.

Молодые дамы обычно с большой благосклонностью относятся к домашним животным. В число любимцев мисс Монтегю входила красивая старая сова, которую в свое время садовник поймал в плюще, обвивавшем развалины конюшни, и почтительно преподнес юной госпоже.

При выборе фаворита люди руководствуются не разумом, а капризом. Примером тому может послужить нелепое предпочтение, которого с первого же дня удостоила зловещую и несимпатичную птицу ее хозяйка. Эту маленькую причуду мисс Монтегю не стоило бы и упоминать, если бы не роль, которую она, как ни странно, сыграла в заключительной сцене моей истории.

Бартон, дотоле разделявший пристрастия своей невесты, с первого дня проникся к ее любимице отвращением столь же яростным, сколь и необъяснимым. Ему нестерпимо было находиться с совой в одной комнате. Он ненавидел и боялся ее со страстью поистине смешной. Людям, не знакомым с подобными чувствами, эта антипатия покажется невероятной.

Дав таким образом предварительные пояснения, я начну в подробностях описывать заключительную сцену, последнюю в ряду странных событий. Однажды зимой, ночью, когда стрелки часов близились к двум, Бартон, как обычно в это время суток, лежал в постели. Слуга, упомянутый нами выше, занимал кровать поменьше в той же комнате; спальня была освещена. И вот слугу внезапно разбудил голос хозяина:

— Никак не могу выбросить из головы проклятую птицу, все кажется, что она

¹¹ Да покоится в мире (*лат.*) — поминальная молитва.

выбралась на свободу и прячется где-то здесь, в углу. Она мне только что приснилась. Вставай, Смит, поищи ее. Не сон, а настоящий кошмар!

Слуга поднялся с постели и стал осматривать комнату. Вскоре ему почудились хорошо знакомые звуки, более походившие на хрип, чем на птичий посвист. Именно такими звуками совы, притаившись где-нибудь, спугивают ночное безмолвие.

Уверившись в близости ненавистного хозяину создания (звук доносился из коридора, куда выходила комната Бартона), слуга понял, где продолжать поиски. Он приотворил дверь и шагнул за порог, намереваясь прогнать птицу. Но стоило ему отойти от двери, как та потихоньку захлопнулась, видимо под действием легкого сквозняка. Вверху, однако, находилось окошечко, пропускавшее в коридор свет, и, поскольку в комнате горела свеча, слуге не пришлось блуждать в потемках.

В коридоре он услышал, что хозяин зовет его (очевидно тот, лежа в постели с задернутым пологом, не заметил, как слуга вышел) и велит поставить свечу на столик у кровати. Слуга был уже довольно далеко и потому, чтобы не разбудить домашних, молча поспешил обратно, стараясь ступать бесшумно. И вдруг, к своему изумлению, он услышал, как чей-то спокойный голос откликнулся на зов. Взглянув на окошко над дверью, слуга обнаружил, что источник света медленно перемещается, словно в ответ на приказание хозяина.

Парализованный страхом, к которому примешивалось любопытство, слуга стоял у порога ни жив ни мертв, не решаясь открыть дверь и войти. Послышалось шуршание полога, тихий голос, словно бы баюкавший ребенка, и тут же прерывистые восклицания Бартона: «Боже! Боже мой!», и так несколько раз. Наступила тишина, потом ее вновь прервал убаюкивающий голос, и наконец раздался жуткий душераздирающий вопль, исполненный предсмертной тоски. В неопишемом ужасе слуга бросился к двери и налег на нее всем телом. Но то ли он в волнении неправильно повернул ручку, то ли дверь действительно была заперта изнутри — так или иначе, войти ему не удавалось. Он тянул и толкал, а в комнате все громче и неистовей повторялись вопли, сопровождавшиеся теми же приглушенными звуками.

Похолодевший от страха, едва сознавая, что делает, слуга помчался по коридору прочь. На верхней площадке лестницы он наткнулся на перепуганного генерала Монтегю. Едва они встретились, жуткие крики стихли.

— Что это? Кто... где твой хозяин? — бессвязно восклицал Монтегю. — Что, что там... Ради Бога, что случилось?

— Боже милосердный, все кончено, — проговорил слуга, кивая в сторону комнаты хозяина. — Он мертв, сэр, ручаюсь, что он умер.

Не дожидаясь дальнейших объяснений, Монтегю поспешил к комнате Бартона. Слуга следовал за ним по пятам. Монтегю повернул ручку, и дверь отворилась. Тут же, издав протяжный потусторонний крик, внезапно сорвалась с дальнего конца кровати зловещая птица, за которой охотился слуга. Она едва не задела в дверном проеме генерала и его спутника, по дороге загасила свечу в руках Монтегю и, пробив слуховое окно, растворилась в окружающей тьме.

— Вот она где, Господи помилуй, — шепнул слуга, прервав напряженное молчание.

— Черт бы побрал эту птицу, — пробормотал Монтегю, не сумевший скрыть свой испуг при внезапном появлении совы.

— Свеча не на месте, — заметил слуга после еще одной паузы, указывая на горящую свечу. — Смотрите, ее кто-то поставил рядом с кроватью.

— Отдерни-ка полог, приятель, нечего попусту стоять и глазеть. — Голос генерала звучал тихо, но сурово.

Слуга замешкался в нерешительности.

— Тогда поддержи, — сказал Монтегю, торопливо сунув ему в руку подсвечник, приблизился к кровати и сам откинул полог. Свет упал на бесформенную фигуру, полусидевшую в изголовье. Несчастный откинулся назад, стараясь, казалось, вжаться в

стенную панель; руки его все еще цеплялись за одеяло.

— Бартон, Бартон, *Бартон!* — Голос генерала прерывался от волнения, к которому примешивался благоговейный трепет. Генерал взял свечу и поднес ее к лицу Бартон, застывшему и побелевшему. Челюсть Бартон отвисла, открытые глаза незряче впились в пространство.

— Боже всемогущий, он мертв, — вырвалось у генерала при виде этого страшного зрелища. Минуту-другую оба стояли молча.

— И уже похолодел, — шепнул Монтегю, потрогав руку мертвеца.

— Смотрите, смотрите, сэр, — содрогаясь, прервал слуга вновь наступившее молчание, — чтоб мне провалиться, что-то лежало здесь, у него в ногах. Вот здесь, сэр, здесь.

Он указывал на глубокую вмятину в постели — по-видимому, след от какого-то тяжелого предмета.

Монтегю безмолвствовал.

— Пойдемте отсюда, сэр, ради Бога, пойдемте, — прошептал слуга, схватив генерала за рукав и испуганно осматриваясь. — Ему уже ничем не поможешь. Пойдемте, Бога ради!

Тут же слышались шаги: к комнате приближалось несколько человек. Монтегю поспешно приказал слуге остановить их, а сам попытался высвободить из мертвой хватки покойника одеяло и по возможности придать жуткой фигуре лежащее положение. Затем он, тщательно задернув полог, вышел навстречу домашним.

* * *

Вряд ли имеет смысл проследить дальнейшую судьбу второстепенных персонажей моего повествования; достаточно сказать, что ключа к разгадке таинственных событий сыскать так и не удалось. Ныне, когда утекло уже немало воды после завершающего эпизода этой странной и необъяснимой истории, трудно надеяться, что время прольет на нее новый свет. Пока не наступит день, когда на земле не останется более ничего сокровенного, она пребудет под покровом неизвестности.

В прошлой жизни капитана Бартон обнаружилось лишь одно происшествие, которое молва связала с муками, пережитыми им в его последние дни. Он и сам, судя по всему, рассматривал случившееся с ним как кару за некий совершенный в свое время тяжкий грех. Об упомянутом событии стало известно, когда со дня смерти Бартон прошло уже несколько лет. При этом родственникам Бартон пришлось пережить немало неприятных минут, а на его собственное доброе имя была брошена тень.

Оказалось, что лет за шесть до возвращения в Дублин капитан Бартон, будучи в Плимуте¹², вступил в незаконную связь с дочерью одного из членов своей команды. Отец сурово — более того, жестоко — наказал несчастное дитя за слабость. Рассказывали, что девушка умерла от горя. Догадываясь, что Бартон был соучастником ее греха, отец стал вести себя по отношению к нему подчеркнуто дерзко. Возмущенный этим, а главное, безжалостным обхождением с несчастной девушкой, Бартон неоднократно пускал в ход те непомерно жестокие меры поддержания дисциплины, какие дозволяются военно-морским уставом. Когда судно стояло в неаполитанском порту, моряку удалось бежать, но вскоре, как рассказывали, он умер в городском госпитале от ран, полученных во время очередной кровавой экзекуции.

Связаны эти события с дальнейшей судьбой капитана Бартон или нет, сказать не берусь. Однако весьма вероятно, что сам Бартон такую связь усматривал. Но чем бы ни объяснялось таинственное преследование, которому он подвергся, в одном сомневаться не приходится: что за силы здесь замешаны, никому не дано узнать вплоть до Судного дня.

¹² *Плимут* — город и порт в Англии на берегу пролива Ла-Манш.